

Баллада о девчонке

на войне

Беретик по моде сороковых годов. Длинное до пят платье — в Степанакерте 1941 года мода трудно отбивала свои позиции у традиций. Полудетский и, как всегда в таком случае, немногого вопросительный взгляд. Затвор аппарата щелкнул, когда Шушик Степанян с подругами по медицинскому техникуму вышли с последнего экзамена. Следующим (нем было 22 июня...).

Во дворе военкомата уже утром было не протиснуться. Долго нужно было ждать своей очереди.

Но вышел военный и крикнул в толпу: «Медики есть?»

Вечером она села в поезд. В литеере значилось: «Пункт прибытия г. Одесса».

Сейчас, оглядываясь назад, Шушик Магаковна Степанян так и представляет себе всю свою фронтовую биографию одной нескончаемой дорогой, на которой ни на минуту не стихает свист бомб и снарядов. И самые горячие точки на ней три города — Одесса, Севастополь, Берлин. Волей судьбы довелось ей стать единственной во всем Закавказье женщиной — участницей обороны двух городов-героев, одной из немногих оставивших свою подпись на стенах поверженного рейхстага. Только это в те летние дни 41-го было далеко.

Прибывало сразу много раненых. Необходимо было точно выбрать, к кому из них подойти раньше и направить на операцию в то или иное отделение госпиталя. Секунды равнялись жизни. В техникуме Шушик была отличнейшей, так что знания помогали, но больше — женская чуткость, умение живым первом чувствовать чужую боль. Просторное фойе госпиталя, преображенное теперь в приемный покой (слово-то какое мирное, далекое от этого кошмара), забито носилками с ранеными бойцами. Она быстро идет от одного к другому, отдавая приказания санитарам: «В черепное — срочно! В ожоговое — срочно!». Сначала видела только раны, некогда было посмотреть людям в глаза, не могла найти слов для утешения, да и ее собственных сил хватало только на короткие приказания. Но уже ночью этого дня поняла — так нельзя. Взгляд ее, голос, слова — это для них надежда. И в интонациях появились материнские нотки; стоны стали стихать при ее приближении. Среди стонов и выкриков в бреду ее голос — как ориентир жизни. Маленький и теплый ручеек надежды соединил ее сердце с сердцами, переполненными болью. Одно выражение — веры — было в поднятых к ней, исстрадавшихся глазах. В короткие, как выстрел, мгновения, в которые она научилась вы-

сыпаться, не видела ничего, кроме зияющих ран.

В войну невозможно втунуться раз и навсегда. Слишком она противоестественна чувствам, рассудку, всей человеческой сути. Поговорите с фронтовиками, и они скажут о необходимости пика испытания, психологического взрыва, приведения в действие всех физических и духовных сил. На десятый день войны взошла на свой пик испытания и Шушик Степанян. Трудно взошла, в последний раз посчитавшись с природой, в последний раз что-то внутри нее вспомнило, что и она из плоти и крови. А случилось это так. Из Бессарабии пригнали санитарный поезд, битком набитый ранеными. Поезд долго был в пути, раны загноились. Почти сплошь гангренозные, мертвенным налетом отразились они на лицах. Свежие раны будто громко взывают о помощи. Эти уже только бессильно шептали, молили о ней. Тихие стоны оглушали, как набат. Всех без исключения раненых нужно было срочно в операционную, и ей впору было сесть среди носилок в фойе и заплакать от своей беспомощности. Только через сутки, в которые не сомневалась она глаз, была закончена сортировка, и Шушик пошла в операционную.

И тут, неожиданно для всех прямо со скальпелем в руках рухнула на пол операционной. Несколько минут, пока ее приводили в чувство, в неловкой позе у операционного стола лежала не военфельдшер, лейтенант, а девчонка, какой была давно, десять дней назад, до войны...

В июне она разучилась смеяться. В июле — и плакать.

Она чувствовала себя часовым на посту заботы, и поста своего не покинула ни разу. В самые тяжелые для города дни, когда фашистские войска блокировали Одессу с суши, она — начальник санслужбы 411-й батареи 42-й армии. Снаряды — как-то она «померялась» — точно в ее рост. Немалый урон в технике и живой силе нанесли они врагу. Личный состав впервые был удостоен благодарности Ставки Верховного Главнокомандующего. Благодарность перед строем была объявлена и ей. От волнения Шушик забыла уставные слова. «Спасибо, большое спасибо! — сказала, принимая благодарность. Стой улыбался. А она в этот момент почувствовала — что бы ни было, она будет с ними, никуда от них. Когда наши войска покидали Одессу, в группе прикрытия оставалась и 411-я батарея. Шушик Степанян покинула город одной из последних.

С Севастополем оказа-

лась навечно связанный и личная боль Шушик Степанян. Из письма из дома узнала, что брат, Коля — в Севастополе. Выпросила пару часов на поиски, и рано утром отправилась. На окраину города, в сторону Херсонского маяка, шла машина с ранеными. Села в кабину. По дороге машину обстреляли орудия немцев, шофер был убит. Вылезла — и краненый. Только убедилась, что все в порядке, слышит шаги. Четверо идут в предрассветном тумане. Залегла со своим наганом, рука на спусковом крючке. И тут услыхала такой родной и знакомый голос — брат! Расцеловались, отогнали машину по месту назначения, а тут уже и время истекло, надо прощаться. Она стояла и смотрела брату вслед, пока тот не скрылся из виду. Больше никогда не видела брата, и где дорогая могила его — не знает.

— Больше всего помогло переносить тяготы войны сознание, что я необходима, — говорит мне Шушик Магаковна, — и не только непосредственно в главном своем деле. Вспоминаю, как в Севастополе изобретала средство от головной боли. Там, видимо, от постоянной бессонницы, не было человека, у которого бы голова не болела. Казалось бы, мирная, пустяковая болезнь, а докучала, медпрепаратов же не хватало. Изобрела. Со всех концов города, попадая по делам в медчасть, люди приходили за порошком.

Самой Шушик Степанян тоже пришлось несколько раз лечь на операционный стол. Много раз была ранена за войну. Одно ранение в точности повторило то, что получил отец в 1915-м. Пулевое, чуть выше локтевого сустава. Может быть, таким образом тоже проявляется наследственность? Кроме ранений, принесла она с войны орден Великой Отечественной войны II степени, медали да память. А в ней — бредовые ночи госпиталей, два города-героя и десятки других городов, брат и — последняя горячая точка памяти — Берлин. На стене рейхстага писали кто чем. Написала и она: «Здесь были армянки» и — большая буква «Ш» — Шушик. Выцарапала женской приколкой для волос.

Пусть. Правильно. Равно, как и приклад автомата, годилась и эта приколка для торжественной, исторической записи. На этой войне советские женщины всему миру показали красоту и добродетель женского характера, материнскую способность к самопожертвованию, беспримерную стойкость, мужество и героизм. Моя героиня — одна из них...

А. ФРИМЕРМАН,
наш спец. корр.